

КРЕАТИВНЫЙ АСПЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НОСИТЕЛЯ ЯЗЫКА

Б.Ю. Норман

*Белорусский государственный университет (Минск)
Технический университет Дрездена*

Язык призван обслуживать бесконечное множество ситуаций, в которых совмещаются и переплетаются его различные функции: информационная, когнитивная, социальная, эстетическая и др.

Языковая компетенция, присущая взрослому человеку, включает в себя не только огромное количество единиц разных уровней (от фонем до целых текстов), но и правила их моделирования и комбинаторики. В этом плане для лингвиста, социолога, психолога очень интересен и важен вопрос: насколько человек – «текстоспроизводящее» устройство, а насколько – «текстосоздающее»? Насколько человек вынужден следовать заданным образцам и использовать готовые единицы, а насколько он оригинален в своей речевой деятельности? На этот счет есть разные мнения, вплоть до противоположных. И, по-видимому, соотношение между этими двумя сторонами использования языка сильно обуславливается в каждом конкретном случае личностями говорящего и слушающего, речевой ситуацией, стилем и жанром общения.

Иными словами, речь далее пойдет о реализации творческого потенциала человека и языкового коллектива. **Под творческим потенциалом имеется в виду совокупность ментальных механизмов, позволяющих создавать и адекватно интерпретировать речевые единицы, не входящие в общепринятый канон.** Это могут быть факты фонетического «кривляния» или окказионального словообразования, авторские неологизмы, переносные употребления слов, нетипичные (непривычные) словосочетания, неузуальное использование синтаксических конструкций или нарушения законов когезии текста и т.д.

Причем я имею в виду не столько свободу художественного творчества, сколько естественную, заложенную глубоко в народном сознании тягу к креативу, к языковой игре, к метафорике и балагурству. Конечно, член языкового коллектива связан определенной конвенцией. Он должен употреблять известные языко-

вые единицы в общепринятых значениях – иначе его просто не поймут. В этом смысле его речевая свобода ограничена. Вот как говорится в одной научно-популярной книге: «Незнание значения слова проявляется в двух основных типичных ошибках. Неверно будет назвать крокодила *бегемотом* или велосипед *сохой*. Из такого словоупотребления будет следовать, что говорящий, во-первых, не знает наименований для крокодила и велосипеда, а во-вторых, не знает значений слов *бегемот* и *соха*» [Супрун 1978: 78-79].

Однако практика показывает, что в определенных дискурсивных условиях, с определенной целью крокодил, фигурально выражаясь, может быть назван бегемотом! Речь идет о необычайной гибкости языка, о его номинационной нежесткости. Здесь стоит вспомнить теорию «лингвистической переменной» математика Л. Заде [Заде 1976]: слова могут приобретать новые, даже окказиональные значения – это «саквоязыи», которые могут растягиваться до бесконечности!

Приведем несколько примеров из произведений современных авторов.

*То есть мы, взрослые люди, смотрели эти передачи типа «Ленинский университет миллионов» и «Шаги пятилетки» и должны были писать на всю эту **плешь** свои отзывы* (Л. Петрушевская. От первого лица).

*Сдачу со всех покупок он настойчиво складывал в банку из-под ландрина. Как наберется червонец, он его менял на бумажку и ложил в другую специальную банку... Я сначала подумала, что, может быть, это такое **сафари**, и решила своего парикмахера испытать...* (В. Пьецух. Потоп).

Там уже сидела на диване величественного вида дама и голосила:

*– Чтоб вы все сдохли! Чтоб вас черти слопали! Хамы! **Горшки!** **Сталактиты!***

Последнее выражение почему-то особенно обидело дежурного врача... (В. Поляков. Если вы встретите таких людей...).

*Ведь кто контролирует дверь в туалет, тот в семье и **Уго Чавес*** (Слава Сэ. Сантехник, его кот, жена и другие подробности).

Прикопив однажды денег и купив этой самой спаржи заодно с рукколой, Татьяна убедилась, что есть такую гадость невозможно... Теперь на всякую непонятную ей вещь и к тому же не внушающую доверия она говорила:

– *Ишь ты, **руккола*** (Н. Андреева. Правая рука смерти).

Здесь *плешь* в значении ‘чушь, глупость’; *сафари* – в значении ‘хобби, увлечение’; *горшки* и *сталактиты* в значении ‘негодяи, мерзавцы’; *Уго Чавес* в значении ‘начальник, диктатор’; *руккола* в значении ‘что-то непонятное, неизвестное’ – всё это примеры окказиональной вторичной семантизации, приписывания слову чужого значения. Такое словоупотребление вкладывается автором обычно в уста персонажей не слишком образованных.

Но списывать эти факты на категорию «просто ошибок» – было бы неверно. Право на окказиональную вторичную номинацию имеет любой человек. Характерная сфера проявления такой речевой свободы – это фамилиолект, т.е. вариант языка, существующий в рамках семьи. Члены семьи (а также домашние животные) очень часто получают свои «домашние» имена: *Дима* вместо *Володя*, *Гоша* вместо *Борис*, *Графа* вместо *Глафира*, *Перчик* вместо *Чарли*, классический литературный пример: *Киса* вместо *Поля* и т.п. Но особые названия распространяются еще и на предметы обихода: мебель, одежду, аппаратуру, инструменты, блюда и т.д. [Байкулова 2012]. Часто первоосновой для таких номинаций служат случайные оговорки или детские слова. Примеры из художественной литературы:

*На столе стоял туго набитый походный рюкзак. – Вот стоит, родимый. Мамаша называет его **фараоном**. Но думаю, фараоны весили гораздо меньше.*

... – *Запомните: нет ничего лучше зимнего отдыха. И обязательно – самому колоть дрова, топить печь, ходить по воду к колодезю. Я уж не говорю – таскать «**фараон**» в мороз* (А. Безуглов. Следовательно по особо важным делам).

*Копировальной бумаги в Елабуге было не достать, и сын Лозинского, с трудом раздобыв копирку, прислал телеграмму с радостным известием: «**Жопировальную** бумагу выслал»... С тех пор копирувальную бумагу в нашей семье иначе не называли (Т. Толстая. Не называя фамилий).*

Естественно, как только такое слово выходит за пределы семьи и употребляется для более широкого круга пользователей (например, читателей), оно тут же требует расшифровки. Так происходит в следующем контексте с существительным *аптечка*. Обычно это слово обозначает шкафчик или футляр с набором самых необходимых медикаментов. Но в тексте повести Л. Кассиля оно выступает в окказиональном значении и потому нуждается в разъяснении.

И мы побрели в «аптечку». «Аптечкой» у нас почему-то называлась полутемная проходная комната около уборной и кухни. На маленьком оконце стояли пыльные склянки и бутылки. Вероятно, это и породило кличку (Л. Кассиль. Конduit и Швамбраня).

Использование языка в особых эстетических и игровых целях имеет давнюю традицию, в том числе в русском обществе. Здесь стоило бы напомнить о попытках найти словообразовательную или этимологическую связь между словами на основе их формального сходства. Известные всем примеры **народной, или ложной, этимологии** – это не только свидетельство необразованности человека, но и его наивных лингвистических поисков. В художественной литературе этот прием использовался и используется как для характеристики персонажей, так и для оживления авторского текста. Несколько примеров:

Мы сидим за круглым мраморным столиком и задушевно беседуем. «Задушевно» от «задушить», по ее определению. Тэффи хмурится (И. Одоевцева. На берегах Сены).

Надо же было, чтобы именно Сахаров завелся в этой Сахаре, а сослан был за горечь в Горький! И не от слов ли «на соли жеваться» произросла фамилия – Солженицын? (Д. Данин. Бремя стыда).

Да здравствует фонарик, да здравствует электричество, кто бы его ни придумал: отечественный Яблочков, заставляющий вспоминать о коне в яблоках, или далекий Эдисон, вечно сонный американский мистер Эди (Э. Лимонов. ...У нас была великая эпоха).

Татьяна. Правда, познакомь! А то у меня Валера вон давно от водки чуть не атрофировался. А на что мне его трофеи? (Л. Петрушевская. Три девушки в голубом).

Креативный аспект можно найти и у использования грамматических форм. Прежде всего он проявляется в стремлении носителя языка «исправить» какую-то языковую «несправедливость»: заполнить пустую клеточку парадигмы, распространить действующую уже грамматическую тенденцию на новые лексические факты.

Дело в том, что слово существует в сознании носителя языка в виде определенного набора («профиля») форм. Хотя теоретически у существительных, скажем, *судьба* и *слеза* – одинаковый комплект из 12 словоизменительных форм, реальная их употребительность будет совершенно разной (хотя бы потому, что у первого слова основная масса словоупотреблений – в единственном числе, а у второго – во множественном). Как писал А. И. Смирницкий, «многие словоформы, постулируемые как единицы в системе форм того или иного слова, возможно, вообще никогда в действительности, в практике общения не образовывались (вряд ли, например, образуется такая словоформа, как «акклиматизируй»). Таким образом, очень многие словоформы следует признать лишь потенциальными единицами языка» [Смирницкий 1957: 21].

И носитель языка балансирует на грани узуса и нормы, позволяя себе образовать единицы, в принципе возможные, но не утвержденные нормой, не кодифицированные. В частности, он может образовать форму единственного числа для существительного *pluralia tantum* – сказать «отброс» или «каникула» или, наоборот, форму множественного числа для существительного *singularia tantum* – например, «воздухи» или «гордости». Попадают такие примеры и в художественные тексты:

*И все понимают, что смотреть и слушать этот ужас – грязная тяжелая работа, и большие деньги членам этой **посиделки** платят не зря* (М. Веллер. Легенды Арбата).

– Наверное, нет общей истины. У каждого – своя. Главное – ее выделить и не затерять. Как драгоценный камешек в коробке среди пуговиц и бус.

*– А как разобрать: что камешек, а что **буса**? (В. Токарева. Лошадь с крыльями).*

*Сколько я тебя знаю, любезный друг, вечно ты уязвлен, отягощен, раздавлен и чуть ли не насмерть убит бесчисленными **«вредами»*** (Ю. Нагибин. День крутого человека).

Он был по натуре своей организатор, и дружбы затевались у него в совместной работе (М. Слонимский. Книга воспоминаний).

«Уж договорился там, – кричит, – со своими дружками. По-едеешь пьянствовать да котовать, а я тут без денег буду сидеть! Знаю я ваши *отдыхи*» (Ю. Домбровский. Записки мелкого хулигана).

Примеры потенциальных образований можно привести и из других языковых сфер. Перечислим здесь характерные для русского языка словообразовательные явления. Это:

– образование родовых коррелятов у существительных (*нянь, фей, вертихвост, муз, обезьян, птиц, мух* – все мужского рода, *кумира, милиционера* – женского);

– образование диминутивов от существительных по разным словообразовательным моделям (*князенек, пушкиненек, пигмененок, судьенок, стилек, крепостца, дружбишка, волнишка, шумишко*);

– образование кратких форм и форм сравнительной степени от относительных прилагательных (*зануден, железнодорожен, шинелен; ночнее, казеннее, домашнее*), а также от существительных (*ветрее, морее, заднее*);

– широкое образование притяжательных прилагательных (*хирургов, уборщицын, немцев, яблонев, ку克林, чернильницын, репкин*);

– почти неограниченное образование качественных наречий на *-о* от прилагательных (*сосново, кетчупно, бильярдно, капюшонно, наблюдательно, фильдеперсово*);

– почти безграничное образование отглагольных имен действия по разным словообразовательным моделям (*отобрание, повстречание, прогнание, цедение, передерг, встрях, оббег, замот, промельк, бубнеж*);

– образование страдательных причастий настоящего времени (*пасомый, укусомый, плющимый, просимый, держимый, учимый*);

– образование вторичных имперфективов с помощью чередования *о/а* (*захачивать, растамаживать, приурачивать, проголадываться, обанкрачиваться, озабачиваться*);

– использование синтаксических каузативов (*поступить кого* (в вуз), *улыбнуть кого, ошибить кого, примкнуть кого* и т.п.);

– использование универбатов, образовавшихся в результате компрессии глагольно-именных словосочетаний (особое употреб-

ление глаголов *способствовать, усугублять, сближать, вдохновлять, проникнуться* и др.).

При всей кажущейся необычности подобных образований, в новейшей художественной литературе они представлены массой примеров. Приведем несколько иллюстраций:

– *Это невообразимо!* – возмутился князь – *Чтобы кто-то из моих подложил мне такую свинью!*

– *И очень запросто, Владим Андреич, – встрял Ведищев. – Я вам сколько разов говорил: расплодили дармоедов, **вертихвостов** всяких* (Б. Акунин. Особые поручения).

*Я написал Цветаевой в Прагу письмо, полное восторгов и удивления по поводу того, что я так долго **прозевывал** ее и так поздно узнал* (Б. Пастернак. Люди и положения).

*Вдруг к **обменникову** окошку подлетела группа из пяти молодых людей* (Н. Абгарян. Понаехавшая).

*Гейгер – тот вообще счастлив, что я опять взялся, выражаясь **доиндустриально**, за перо – около месяца я, оказывается, ничего не писал* (Е. Водолазкин. Авиатор).

*Во второй встрече на шестнадцатой минуте презрение, молчание, **цедение** сквозь зубы, огибание взглядом разгромили мои остатки* (М. Жванецкий. Вам, моя дорогая).

*Мечты сбываются. Нужно только заполучить того, кто бы их **сбывал**, – задумчиво произнесла Раневская* (Анекдоты и тосты от Раневской).

Перед нами – огромный потенциал средств речевой выразительности, который обеспечивается самой языковой системой [Димитрова 1994; Ремчукова 2005; Норман 2006; Норман 2020 и др.]. Можно сказать, что в нормативной грамматике русского языка перечисленные факты – своего рода «слабые звенья»: они заложены в системе, допустимы в узусе, но не кодифицированы сегодняшним канонам.

Свое место в этом ряду занимают и странные словообразовательные инновации, которые входят в речевой обиход из торговой рекламы и средств массовой информации и сначала режут глаз и слух (вроде *времячко, сникерсни, эсэмэсище* и т.п.), а затем как-то приживаются.

Напомним, что в научной литературе предлагается различать **потенциальные** и **окказиональные слова** [Земская 1992: 180-

190 и др.]. Первые создаются по существующим в языке словообразовательным моделям, они легко воспринимаются и могут переходить в категорию узуальных; вторые возникают как бы вопреки моделям, они единичны и непредсказуемы. С этой точки зрения, скажем, *журнализм* (Ю. Олеша) или *лошадиность* (И. Грекова) – потенциальные слова, а *олакрез* (В. Набоков) или *ухряб* (В. Пелевин) – окказиональные.

Но за пределами лексического состава это деление утрачивает свой смысл. Все новообразования в грамматике – потенциальны, ибо все значения здесь имеют массовый и регулярный характер. Один из основателей Московской фонологической школы П. С. Кузнецов писал об этом так: «Если бы, например, вместо формы множественного числа у нас всегда употреблялось образование от другого корня, о множественном числе в грамматике нечего было бы и говорить. Мы просто имели бы дело с разными словами разного корня, из которых одно обозначает один какой-то предмет, а другое – несколько таких же предметов» [Кузнецов 1961: 25]. По природе своей не может быть и уникального (единичного) грамматического значения.

Поэтому, освоив выражения вроде *Ему дома не сидится* или *С утра хорошо работается*, носитель языка совершенно естественно воспринимает и другие безличные глагольные формы при субъекте в дательном падеже:

Что-то мне совсем не смеялось. Я странно себя чувствовал (А. Каплер. Одесса).

Для сиверских маршей папа купил мне барабан – настоящий, обтянутый кожей. И так хорошо, так сладко мне тогда барабанилось... (А. Водолазкин. Авиатор).

Николаю Сергеевичу хотелось лечь и уснуть навсегда, не выходя из кабинета. Николай Сергеевич закрыл глаза и стал ждать конца. Но как-то не умиралось (Э. Брагинский, Э. Рязанов. Старики-разбойники).

*Так что ж, напрасно гениям горелось
Во имя изменения людей?..*

(Е. Евтушенко. Братская ГЭС).

Мне не смеялось или гениям горелось – потенциальные образования, вполне укладывающиеся в грамматическую систему русского языка. Конечно, подобные формы содержат дополнительную экспрессию и помогают художнику слова настроить читателя на креативный и «игровой» лад. Но с точки зрения лингвистики, перед нами – факт экстраполяции, распространения заданной грамматической модели на новый лексический материал.

Креатив на синтаксическом уровне также имеет многообразные проявления. Это может быть неполная реализация синтаксической модели (элиминация обязательного актанта), смешение (контаминация) разных моделей, гиперболизация цепочек подчинительной связи или такое же «злоупотребление» сочинительным расширением, заполнение синтаксической позиции лексемой с «чужим», не изосемическим значением (включая сюда случаи хизма), несоблюдение стандартных когезивных связей и т.д. Приведем, уже без специального комментария, несколько характерных примеров.

Ночь проворчала что-то сердитое и отошла (Ф. Сологуб. Мелкий бес).

И выступают люди и рассказывают, как они обновляют, перестраивают, переносят, расширяют для удобства населения (М. Жванецкий. Паровоз для машиниста).

Сосед фронтowego друга на редкость чуткого отца подлеца Букалова – бывшего благоверного Галинки, лучшей подруги второй дочери бабки тети Фроси, соседки беременной сестры жены коньково-деревлевского брата инженера Стеблова, на счастье оказался дома (Д. Иванов, В. Трифонов. Тотальный сервис).

Женщины в Тамбове преобладают с кривыми ногами, но есть одностороннее движение (Ф. Раневская. Послания Кафинькина).

Мое же пальто было совсем иным. Его материал тоже назывался драпом, но напоминал листовую фанеру, которую почти невозможно согнуть и плохо обработанную, о которую можно было содрать кожу (Б. Окуджава. Искусство кройки и шитья).

Анцыферов встал, прошелся в задумчивости по кабинету, показывая поджарую фигуру, костюм-тройку, озабоченность судьбой этой красивой несчастной женщины (В. Пронин. Банда).

Подобные конструкции, в чем-то нарушая языковую норму, тем не менее, не вызывают особых трудностей с пониманием.

Строго говоря, они не запрещены, но не рекомендуются, а значит – статистически маловероятны. Поэтому их употребление воспринимается как иллокутивная игра, дискурсивно обусловленный прием.

Таким образом, сферы номинации, словообразования, словоизменительной парадигмы, синтаксиса – везде мы сегодня находим яркие примеры речевого креатива.

В чем же корни этого торжества дополнительных вербальных связей, этой пандемии языковой игры, которую мы сегодня наблюдаем вокруг? По-видимому, объективные предпосылки ее заложены в самой природе языка, в нечетко-множественном характере языкового знака.

Представляет интерес в данном плане сравнение языка с игрой. Любая игра – спортивная, военная (учения), театральная (репетиция), психологический тренинг и т.д. – есть моделирование реальной ситуации, в ходе которого вырабатываются определенные деятельностные навыки. Собственно, и весь язык под определенным углом зрения можно считать игрой (вспомним знаменитое сравнение Ф. де Соссюра: язык и шахматы). Игра в чем-то правильнее действительности. Говоря словами Й. Хейзинги, «она творит порядок, она есть порядок. В несовершенном мире и сумбурной жизни она создает временное, ограниченное совершенство» [Хейзинга 1992: 21]. Вместе с тем, соблазн нарушить правила (которые к тому же неизвестно кем и когда установлены) для человека велик, особенно если он мотивирован сиюминутной потребностью. И в глубине творческого, раскрепощенного отношения носителя языка к своему средству общения лежит подсознательное ощущение того, что именно он – «хозяин» языка. В том числе он вправе расшатать каноническую связь между двумя сторонами языкового знака.

Поскольку же дисперсии, рассеиванию, подвержены обе стороны последнего, то это приводит к сомнению относительно тождества знака самому себе. Имеет ли носитель языка право на такую деструкцию? Прочитую один из возможных ответов:

«Диффузность, неопределенность, формальная и содержательная энтропия обеспечивают говорящему по-русски своеобразный речевой комфорт – экспрессию свободного самовыраже-

ния, речевого творчества, подвижности форм и значений, свободной и непринужденной коммуникации» [Химик 2011: 719].

В целом же формы языкового креатива бесконечно многообразны, они воплощают в себе сочетание экспрессивной, эстетической, фатической и людической функций языка. Нечетко-множественная (диффузная) природа лексических классов, относительная свобода номинации и способность слова к мгновенному развитию переносных значений, функциональная многоликость общения – всё это те предпосылки, которые обеспечивают языковой игре постоянное и важное место в обществе.

Литература

Байкулова А.Н. Неофициальное общение и его разновидности: критерии выделения и реальное функционирование. Монография. Саратов: ООО Издательский центр «Наука», 2012.

Демитрова Ст. Исключения в русском языке. Columbus, Ohio: Slavica Publishers, Inc., 1994.

Заде Л. Понятие лингвистической переменной и его применение к принятию приближенных решений. М.: Мир, 1976.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992.

Кузнецов П.С. О принципах изучения грамматики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961.

Норман Б.Ю. Игра на гранях языка. М.: Флинта–Наука, 2006.

Норман Б.Ю. Творческий потенциал носителя языка и словесная игра // Известия РАН. Серия литературы и языка. Том 79, 2020. № 6. С. 21-33.

Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. Монография. М.: Изд-во РУДН, 2005.

Смирницкий А.И. Синтаксис английского языка. М.: Изд-во литературы на иностр. языках, 1957.

Супрун А.Е. Лекции по языковедению. Минск: Изд-во БГУ им. В.И. Ленина, 1978.

Хейзинга Й. Homo ludens в тени завтрашнего дня. М.: Прогресс–Академия, 1992.

Химик В.В. Диффузное варьирование слов, значений и формантов в русской разговорно-обиходной речи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2011, № 6 (2). С. 717-720.